

УДК 1(430)

Зандкюлер Ганс Йорг
доктор философии, профессор,
Бременский университет (ФРГ)

Кризис знания, недостаток способности суждения и рискованные стратегии компенсации

Что люди могут знать и за что могут отвечать? Расширяющийся рост знаний создает проблему того, кто что знает или не знает. Наши суждения обретают проблематическую природу, если мы не знаем то, что мы не знаем. Поэтому на повестке дня наряду с эпистемологией знания стоит феноменология незнания. Как поступают индивидуумы и коллективы, например, общества, с незнанием и его последствиями? Ведь незнание – это наше повседневное состояние. Как правило, я не знаю то, как и почему функционирует техника, на которую я полагаюсь. Если я не эксперт, то я не знаю, как работают транснациональные монополии. Незнание оказывает влияние на убеждения. Также незнание порождает предрассудки и картины врагов. Оно парализует желаемое самоопределение, которое предполагает наперед знание *оснований*. Оно провоцирует обескураживающий страх перед неизвестным.

Каковы же причины незнания? Может быть, люди уходят от возможного знания, потому что они страшатся своей ответственности? Существенную причину следует искать в объективном процессе, который в значительной мере определяет общественное время, т.е. – в революции наук и технологий, особенно информационных технологий. Наряду с положительными эффектами, эта революция привела к дилемме, к *кризису знания*, и это не смотря, а именно – потому что по сути она есть *эпистемной* революцией, революцией знания. Она расширяет знание человеческого рода, но для индивидуальной субъективности она означает возрастающий недостаток. Кризис заключается не в том, что отдельный человек не может быть одновременно физиком, историком и технологом. Проблема, которую необходимо разрешить, не в том, что как все могут знать всё. Если в первую очередь речь идет не о количественном расширении знания, то имеет смысл качественная переформулировка проблемы: Какую меру знания, какую меру достоверности знания, какую меру оправданных убеждений необ-

ходимо допустити, чтобы поступки были ответственными и вменяемыми? Могут ли быть поступки вменяемыми, если их основания заключаются в незнании?

Кризис знания, имеющий большие последствия для индивидуумов, заключается в том, что эпистемные системы стали хаотичными. Во время роста многообразия того, что потенциально можно знать, для индивидуумов становится все более сложным рациональное понимание своего мира. Эпистемное распределение труда и эксперто-кратия сопровождаются разочарованием перед лицом массы данных, которые сами по себе не имеют значения и в отношении которых не хватает способности суждения, чтобы их интерпретировать и оценивать. Стандартный тезис звучит так: «Можешь мне это не объяснять, я все равно это не понимаю». Растущее отчуждение знания уменьшает шансы расширения способности суждения. Одно лишь потенциальное знание воздействует репрессивным образом, им злоупотребляют ради манипуляций теми людьми, незнание которых является предварительным условием господства.

Философия в традиции немецкого мыслителя Иммануила Канта внесла свой вклад в то, чтобы разрушить ту достоверность, которую, как казалось, гарантировали науки: Знаки никоим образом не объясняют реальность саму по себе; часто они даже не объясняют явления; часто знаки, символы и картинки являются лишь *цитатами* явлений (1). Уже подорвана позитивистская вера, согласно которой «позитивное» знание якобы станет на место субъективизма, а определяемые количественно факты науки смогли бы предоставить полное знание о науке и обществе, а также – возможность господства над ними (2). Философия – это не оплот достоверности, а эпистемное основание скепсиса, плюрализма и релятивизма; а последние воспринимаются не столько как достижения Нового времени, как освобождение, а скорее – как угроза, которая приводит к кризису человеческого самопознания.

Во время кризиса механизмы и стратегии заполняют те ниши, которые, с одной стороны, возникают между объективно возможным знанием и индивидуально имеющимся знанием, а, с другой стороны – открываются вследствие скепсиса и связанной с ним потери ориентации. Из всего спектра компенсаторных механизмов и узурпаторских стратегий здесь следует упомянуть лишь о двух из них – об абстрактной утопии и о дезинформации средств массо-

вой информации с помощью картинок и изображений. Оба они вносят вклад в разрушение способности суждения, оба провоцируют иррационализацию поступков и при этом те, кто совершает такие поступки, не могут уже быть освобождены от своей ответственности.

«Мы никогда по-настоящему не бываем у себя дома». Это положение имеется уже у французского мыслителя Мишеля Монтеня (1533-1592). Оно может быть растолковано как критика ведущей к заблуждению надежды и утопии. «Мы никогда по-настоящему не бываем у себя дома; мы всегда витаем где-то над действительностью. Опасения, надежды, желания переносят нас всегда в будущее; они лишают нас способности воспринимать и понимать то, что есть, поглощая нас тем, что будет хотя бы даже тогда, когда нас самих уже больше не будет».

Незнание и недостаток способности суждения – это распадники ложных компенсаций. Также как во всех состояниях сознания, так и в убеждениях, основанных на незнании, присутствует *ожидание смысла*. Если ожидаемый смысл обретается не из объяснений, которые предполагают знание, то его получают из абстрактных надежд, согласно которым в непонятых явлениях сверкают откровения бытия и истинного. В этом компенсаторном механизме заложен также прыжок из действительности в лучшее будущее, которое открывается само или которое открывают представители будущего. Поскольку в состоянии незнания человек не понимает, что утопическое *является* утопическим, то утопизм нуждается в фикции того, что якобы новый мир уже присутствует. Следствием этого является то, что абстрактная утопия, т.е. такая утопия, для которой нет ни условий, ни субъектов ее осуществления, делает человека беззащитным перед претензиями узурпаторов. Она приводит к идеологической и политической репрезентации того, что якобы уже присутствует; она дает право авангардам, которые якобы знают правду о будущем, а поэтому имеют полномочия, – осуществлять господство и принуждение во имя будущего. Утопизм питает надежду на путь к «исходу» в страну, где будут молочные реки и кисельные берега. Он легитимирует себя утверждением, что то, что неизвестно, якобы уже известно – это «Небесный Иерусалим». «Исход» также повседневен, как и незнание. Это показывает не только история религий и история политики. Чем меньше человек знает сам и чем меньше есть оснований

для конкретной надежды, тем ближе находится бегство к истинам «секонд хэнда», которые предлагаются экспертами, гуру, сектами, политическими партиями или средствами массовой информации.

Американский автор Джон Бергер (John Berger) в своей теории фотографии пишет: «Нас окружают фотографические картинки, которые образуют глобальную систему ошибочной информации: систему, известную как реклама, которая распространяет ложь, повышающую потребление. Роль фотографии в этой системе является разоблачающей. Ложь строится перед камерой. Для этого «компонуется» соответствующий «набор» предметов и фигур. В этом «наборе» используется язык символов..., своего рода подсознательный рассказ... Такой «набор» затем фотографируется. Он фотографируется очень точно, поскольку камера может придавать аутентичность любым разновидностям явлений, несмотря на то, что они могут быть поддельными. Камера не лжет и тогда, когда ее используют для цитирования лжи. А это позволяет *изображать* ложь еще более правдиво» (3).

Картинки-изображения из войн нашего времени представляются как новости. Точное оружие якобы бережет людей; это умышенная информация. Новости становятся фактами, факты становятся авторитетами. Патологическое стремление верить в картинку как авторитет соответствует ожиданию смысла. Но картинки подаются выборочно, они показывают фрагменты явлений, в рамках которых исчезают целостность, всеобщее и история. Имеется *масса* отдельных картинок войн. Нет целостности; нет картинки причин. Если нет знания, если нет способности суждения, тогда ожидание смысла наполняется патологическим стремлением к правдивым копиям, к непосредственным копиям реальности. Неправильно понятая картинка в качестве копии одновременно освобождает от вопроса – чьи поступки и с какими намерениями должны отвечать за такую-то композицию. Она также освобождает от ответственности реципиента, чтобы поставить точно этот вопрос и узнать, а также составить свое суждение. Такой механизм возникает не просто вследствие недостатка знаний; прежде всего, он основан на том, что мы не знаем, что именно мы не знаем (4).

Примечания автора

1. Здесь я ссылаюсь на мысли, которые сформулировал Джон Бергер (John Berger) относительно понимания фотографии. См.: *Eine andere Art zu erzählen / John Berger und Jean Mohr. Unter Mitarbeit von*

Nicolas Philibert. Übersetzung von Kyra Stromberg. Frankfurt am Main : Fischer-Taschenbuch-Verlag, 2000, S. 96.

2. Там же, S. 99.

3. Там же, S. 96.

4. Без медийной критики трудно или невозможно знать, что картинки точных ударов бомб (например, во время войны США против Ирака) были продуктами рекламы военных концернов.

Перевел с немецкого языка Владимир Абашиник